На приеме я привычно уселась в отдельное кресло, обняла подушку и уткнула взгляд в пол.

Первые полчаса изливала душу мама по поводу того, какая у нее ужасная и непослушная дочь.

Отец помалкивал. Что не укрылось от внимания доктора.

Но к всеобщему удивлению сначала дали слово мне.

- Хочу услышать твою версию, - мягко улыбнулась она.

Пришлось подавить вздох от этой тягомотины с жалобами друг на друга. Как показала практика, толку от этого ноль.

Стараясь держать тон ровнее, я включила шарманку:

- Пару дней назад прилюдно накричали за то, что не реагировала на сообщения. Потом еще бабушка за то же отчитала. А комм вернули только вчера. Как и планшет для учебы. Даром, что отчитывали за неуспеваемость…

- Не паясничай. Ты могла бы сразу сказать, что без комма, - напомнила мама.

- Опять тот же аргумент. Говорила я до того много раз. Вы же не слушаете. А бабке Петре срать, кто прав. Ей лишь бы самоутвердиться.

- Сандра, имей уважение к старшим!

- С какой стати я должна ее уважать!? За беспочвенные оскорбления?

- Она мудрее тебя!

- Сомнительное утверждение.

Мы не на шутку распалились. Доктору пришлось повысить тон, чтобы остановить нас.

После чего она провела короткую воспитательную лекцию о взаимопонимании.

- Вы не могли бы извиниться друг перед другом? - мирно предложила женщина.

- Это ничего не исправит. Так что не собираюсь, - малодушно буркнула я.

Мама тут же захлопнула рот и сердито поджала губы. Похоже, она хотела последовать просьбе доктора.

- Какая же ты все-таки эгоистка.

- Ох, если я - эгоистка, тогда продолжу: отец вчера похерил всю мою работу за последние полгода. И даже пальцем не пошевелил, чтобы как-то помочь с восстановлением данных. У меня все.

- Наконец-то! - саркастично вздохнула мама. - Выговорилась?

- Нет. Но это все, что могу сказать в этом кабинете.

- Сандра, я ненамеренно, - негромко сказал отец. Он впервые подал голос за этот прием.

- Потом очень ненамеренно игнорировал мои просьбы о помощи. Минутное дело - заменить деталь на терминале. А после также ненамеренно наорал при всех, когда я пыталась починить терминал сама и задала единственный вопрос. Хотя, чего стоило сказать пару слов вместо десяти? - я шмыгнула носом и отвернулась.

Новой волной накатила досада от утерянных данных.

- Это было так важно?

- Твои нейросети так важны? - в тон ему переспросила я.

Отца эта аллегория вывела из себя.

- Не сравнивай свои нерабочие поделки с моим трудом!

- Мой труд ты также не ценишь. Ты видел далеко не все. И не тебе судить о важности моих записей!

- Что такого важного ты могла создать? Это лишь детские игры.

Досадно было понимать свою правоту и не иметь возможности ткнуть оппонента в правду. Еще более обидно стало от воспоминаний об “оживленном” не родившемся ребенке.

- Тебе хватило ума пролезть в мой кабинет!

- Ты влезала в его кабинет без спросу!? - встряла в наш спор мама.

- П-потому что ты рылся в-в моих записях.

У меня появилось спазматическое заикание от истерики. Невозможность сделать вдох и выдох еще сильнее выбила из колеи.

- Это не одно и то же.

- Это т-ты так считаешь.

- Тихо! - в который раз прервала нашу ругань доктор Калашникова.

*

Она отвела меня в смежный кабинет и налила стакан воды с успокоительными.

- Я уже приняла… назначили, когда… поранилась, - мотнула я головой.

Заикание усилилось, мешая нормально произносить слова. Тем более спазмы не давали сделать и глотка, не облившись. Стоило лишь присесть где-нибудь в темном уголке. Желательно, чтобы никто не трогал ближайшие сутки.

- Легче? - спросила доктор через пару минут.

Я мотнула головой. Спазмы стали реже, но сильнее, заставляя хватать ртом воздух. Хотелось прекратить и успокоиться, но от этого заикание лишь усиливались.

- Хочу свалить… от них. Могу… жить сама или с братом… Кажется, что все хорошо, но… с каждым днем все хуже… и хуже, - на большее я была не способна.

- Ты упоминала далеко не все, не так ли? - мягко спросила доктор.

Меня затошнило. Как всегда, стоило уткнуться взглядом пол и напоминать себе о пользе молчания. Но моя дурья головонька и длинный язык решили иначе.

- Алессандра, я должна знать. В чем тогда смысл этой терапии?

- Не знаю. Пока… не вижу результата. А… по… повеситься хочется… все сильнее.

- Ты принимаешь седативные?

- Да, - не покривила я душой. Все-таки вчера одну дозу пришлось выпить. Пусть и не специально.

- Пошли, - она решительно взяла меня за руку и отвела в кабинет.

*

Родители смотрели на меня волком. Чую, назревала новая выволочка после сеанса. Я постаралась забиться как можно глубже в кресло и прикрыться подушкой, как щитом.

- Итак, я с вам нянчилась, ошибочно считая, что это лучшая тактика, - строгим тоном начала доктор.

Начало не предвещало ничего хорошего.

Меня больше удивило собственное присутствие. Обычно к этому моменту Лизавета Калашникова выводила меня за дверь и проводила разбор полетов с родителями наедине.

- Наверное, вы полагаете, что лишить родительских прав могут за вопиющее отношение к ребенку в ужасной и неблагополучной семье: отец-насильник, мать-пьяница, постоянные избиения, нищета. Так вот, вы ошибаетесь. Из того, что я вижу: ваши собственные действия уже несколько раз довели Алессандру до грани. В первый раз вы, похоже, совершенно не вынесли урока. Хотя по моим данным она выжила лишь чудом...

Насколько я поняла, она говорила о моей зимней госпитализации.

- И все еще не отошла. Что я вижу теперь: адекватный ребенок режет себя, несмотря на восьмой - восьмой! - сеанс терапии с родителями. Уважаемые Улим и Леля, сеансы были не для того, чтобы исправить вашу дочь. А чтобы наладить между вами взаимопонимание. По моим наблюдениям, результата не то что нет, он отрицательный.

Отец отвел взгляд, а мама возмутилась:

- Но мы делаем, как Вы нам советуете: беседуем чаще и проводим вместе время. Мы даже внеплановый отпуск взяли ради праздников. Все ради этой эгоистичной принцессы.

Я прикрыла глаза, пытаясь успокоиться, но спазмы опять участились. Мне лишь хотелось вернуться в свою комнату и запереться ото всех на пару дней. А еще лучше, в новом убежище.

- Разве? Для начала, вы могли бы подать пример и извиниться, - спокойным тоном заметила доктор.

- За что?

- Вы незаслуженно отчитали ее на глазах у посторонних и родственников. Это унизительно и очень бьет по психике. Особенно у подростка. Подайте пример и признайте свои ошибки вместо того, чтобы продолжать делать вид, что ничего не случилось. Таким поведением Вы усугубляете ситуацию.

Мне казалось, что доктор преувеличивала. Пусть, она и защищала мои права, но не настолько буквально же тыкать родителей носом? Это неправильно.

- Она вполне заслужила наказания, - уверенным тоном парировала мама.

- Разве? - женщина натянуто улыбнулась. - Возьмем, например, недавнее событие что вы мне так хорошо расписали. Вы бросаете дочь одну в огромном аэропорту, присылаете сообщение, звоните. При том, что отобрали средства связи. И даже успели забыть об этом! Алессандра, напомни на сколько? День?

- Четыре, - тихо ответила я.

На что Калашникова подняла брови и кивнула сама себе.

- Планшет с терминалом тоже? Чем ты занималась?

- В основном медитировала и спала.

- Признаться, я бы начала сходить с ума за такое время без источников информации. Почему вы отобрали средство связи у ребенка?

- Она была наказана, - поджала губы мама.

- А поподробнее? У меня тут написано, что вы ее еще и заперли. Я никак не предполагала, что без информационных источников. Полвека назад, может, не у всех был доступ к сети в кармане, но сейчас подобное можно приравнять к принудительному ограничению прав.

- Она перечила и вела себя вызывающе, - бросила на меня красноречивый взгляд мама.

- У меня и по этому поводу есть записи, - доктор помахала рабочим планшетом. - И этот момент мы еще в прошлый раз обсудили, если вы забыли.

Мама поджала губы.

- Вместо того, чтобы поставить себя на место ребенка вы продолжили…

- Она сама не захотела идти на контакт.

- Еще бы. Потому что я бы на ее месте тоже не захотела, - призналась женщина. - Но мало того, вы самостоятельно развили конфликт.

- Нет же! Мы даже Аска пригласили жить с нами.

- Потому что я домой не хотела возвращаться, - не выдержала я. Голос по-прежнему дрожал и заикался, и нервы снова расшатались, словно прогнившие бревна куреня. - Хоть раз поставь себя на мое место, прежде чем срываться.

- Срываться? Да, ты сама себя слышишь? Вчера ты ужасно себя вела при гостях! Мне было стыдно за тебя!

Я снова сникла.

*

Доктор Калашникова мягко вывела меня из кабинета, чтобы прекратить спор.

Аск побледнел от моего вида и прижал к себе.

От его успокаивающих поглаживаний тут же стало спокойней. Словно, я наконец-то изолирована от окружающего мира в своем маленьком уютном мирке.

- Что произошло?

- Разбор полетов. Успокоительные до вечера не принимайте. Уже дала. Пусть лучше поспит или еще поплачет. Это не страшно и даже полезно. Я задержу Улима и Лелю на некоторое время. Надеюсь, хоть мои слова смогут их вразумить.

Сомневалась я в ее плане. Более шестнадцати часов бесед не особо на них повлияли.

- Не уходите пока. Нам с Алессандрой еще предстоит побеседовать. Возможно, и с Вами, господин Горисеч.

Женщина наметила вежливую улыбку на лице и вернулась в кабинет.

***

- Итак, господа. Будем по-плохому. Знаете, что это? - доктор помахала планшетом.

Вопрос явно был риторическим.

- Заявка на лишение опекунства. Мой вывод такой: услышала я от Алессандры далеко не все. И это “не все” очень не дает мне покоя, - она внимательно наблюдала за реакцией четы, отслеживая маркеры поведения. - Учитывая, что полгода она вполне спокойно и даже успешно жила со старшим братом, я могу оформить протокол хоть сейчас и отдать ему опекунство. Данные у него хорошие. Удивительно, что суд сразу не вынес вердикт в его пользу. Особенно после того, что случилось по Вашей прихоти, господин Раш, и по Вашей, госпожа Мьюнг. Оба отличились.

- Но Вы не можете. Ей нужны оба родителя, - возразила Леля. - Это же самые обычные разногласия с подростком. Из-за такого не лишают родительских прав.

Доктор на это спокойно приподняла брови и посмотрела в сторону мужчины.

- А Вы как считаете?

Улим не сразу понял, что обращаются к нему. Он сидел с отрешенным и задумчивым видом.

- Прошу прощения?

- Вы что-то скрываете? - перефразировала доктор.

- Нет. Конечно, нет, - ответил мужчина, глядя на нее честными глазами.

Женщина чуть склонила голову и строго поджала губы.

- Госпожа Мьюнг, не могли бы Вы выйти на несколько минут? Я позову Вас.

Улим побледнел и посмотрел с надеждой на жену.

- Зачем? - удивилась Леля.

- Хочу поговорить с каждым из вас наедине.

- Л-ладно. Я пока побеседую с Сандрой. Может, мы помиримся, - она вышла, неуверенно оборачиваясь на мужа.

После того как дверь закрылась, доктор в упор уставилась на мужчину.

- Сами все расскажете? Или мне перебирать варианты и читать вас? - поинтересовалась она строгим тоном.

- О чем рассказать? - Улим мотнул головой и сел ровнее на мягком диване.

- Обычно в таких ситуациях речь о сексуальном насилии или… Я могу не продолжать список, - кивнула себе женщина.

- Вы ошибаетесь.

- Теперь уверена, что нет. Или Вы полагаете, слово “доктор” перед моим именем стоит просто так?

- При чем здесь Ваше имя?

- Спрошу последний раз, господин Раш: Вы сами все расскажете или мне прибегнуть к соответствующим мерам? Впрочем, не придется. Ваша дочь сейчас достаточно нестабильна, чтобы я без проблем узнала все подробности от нее самой.

- Нет никаких подробностей, - раздраженно бросил мужчина. - Я отношусь к своей дочери так, как и положено отцу. Не выдумывайте обо мне невесть что.

- Ясно. Пройдем, - она поманила мужчину к выходу, намереваясь провести беседу с Шурой.

***

Меня позвали для приватной беседы. На этот раз за дверью остались родители, а не я.

- Вы успели помириться с мамой? - поинтересовалась доктор, когда мы присели.

Я в недоумении моргнула.

Когда бы мы успели? Мама вышла за пару минут до того, как меня снова уволокли в кабинет. Отец даже не глянул в мою сторону, когда выходил. Так что мне лишь оставалось гадать, что тут происходит.

Благо, относительно успела успокоиться рядом с Аском. Спазмы еще донимали, но заикалась теперь куда реже.

- Значит, нет, - женщина вздохнула с явным сожалением. - Я задам пару вопросов, и от твоих ответов многое в дальнейшем зависит. В особенности степень моего доверия к твоим словам. Ты понимаешь?

- Д-да, - кивнула я и опустила взгляд.

- Отец когда-нибудь поднимал на тебя руку? - ее тон стал мягче и вкрадчивей.

- Один единственный раз. Думаю, это было заслуженно. Мы тогда здорово поссорились. Мне следовало промолчать.

- Я знакома с этой историей. Обычно он как-то иначе выражает агрессию?

- Отчитывает за проступок. Кричит куда реже, чем мама. Если точнее, то крайне редко. Может наказать, если значительно провинюсь.

- Ты можешь привести пример проступка и наказания?

- Эм… хорошо, - я попыталась вспомнить что-то из старых событий. Но в голову, как назло, лезли всякие глупости. - Например, когда прогуляла урок балета, на меня накричали и заперли на три дня в комнате. Выпускали лишь на занятия с репетиторами и в ванную. Но мама еду приносила, и планшет не отбирали. Мне нужно было готовиться к сольфеджио и пению. Если честно, я ненавидела все эти принудительные бесполезные репетиторства. Но родители же хотели как лучше?

- Ты им говорила, что не хочешь?

- Наверное, пару раз. Было стыдно за лень. Поэтому предпочитала молчать.

- Твой папа принуждал тебя к чему-либо еще?

Я отвела взгляд, вспоминая.

- Учиться детей и так принуждают. Думаю, Вы не это имели ввиду. С этим проблем никогда не было, - я пожала плечами. - Получается, что нет.

- А к половой близости?

- Что, п-простите!? - моргнула я и невольно пропустила спазм в грудине. Даже дыхание сбилось.

Не то, чтобы я не предполагала, о чем они с отцом беседовали и зачем были нужны все эти переходы из кабинета в кабинет. Но передо мной была не просто рядовой психолог, а высококвалифицированный психиатр, что читала людей, словно открытую книгу.

Теперь у меня было два варианта: продолжить играть в эту игру вдвоем, в надежде, что сыграю достаточно убедительно, или рассказать, как все было на самом деле. Второй вариант не подходил по многим причинам.

Проблема заключалась не во мне, а в отце. Врать у него получалось куда хуже. Его наверняка уже раскусили, но подробности решили вытянуть из меня.

- Папа тебя трогал?

- Эм… - я стушевалась и опустила взгляд. - Нет. Папа бы такого никогда не сделал. Вы думаете о нем совсем плохо.

- Переигрываешь, - бросила доктор сухим тоном.

Во мне все вмиг похолодело и заставило замереть. Со стороны казалось, что я смогу себя контролировать и отобразить любой из необходимых маркеров и микро-жестов. Но на деле это оказалось куда труднее.

На чем я промахнулась? Мимика? Микрожесты?

- Изменение речи. Ты намеренно упростила формулировки и несколько перегнула палку.

Она мысли читает!? Или меня настолько легко прочесть?

Похоже, тетенька не собиралась со мной церемониться.

- Итак, я жду правдивого ответа. Если хочешь, мы пройдем в соседний кабинет, где воспользуемся полиграфом. Ты умная девочка. Но подумай сама: стоит ли оно того?

Конечно, стоит. Это как выбор между пропастью с пеклом и кривым мостом. Правда погубит не только нашу семью.

У меня не оставалось иного выхода. Я прикрыла глаза и сосредоточилась, осторожно формулируя и взвешивая каждое свое слово, прежде чем вложить в просьбу:

- Вы должны поверить мне. Папа меня и пальцем не тронул в этом плане.

Конечно, без чар внушения не обошлось. Оставалось надеяться, что на этот раз все получилось.

Прошло несколько очень долгих секунд, прежде чем доктор поджала губы и сделала пометку в рабочем планшете. Несмотря на ее записи, каждая секунда беседы записывается диктофоном.

- Что ж. Раз ты так говоришь, мне стоит тебе поверить. Все же твои интересы защищаю, - мягко улыбнулась она.

Что? Неужели получилось?

http://tl.rulate.ru/book/22567/1104441